

Народ и власть в русской смуте

«Вилы» и «грабли» отечественной истории

Павел Марченя
Сергей Разин

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить...

Ф. Тютчев

Давно пора, ядрена мать,
Умом Россию понимать...

И. Губерман

Умом понять ее пытались
России лучшие сыны,
А власть с колом к ним подбиралась
Чуть-чуть пониже их спины...

И. Грановская

В связи с очевидными рецидивами (или даже перманентностью) *«переходных периодов»* истории России попытки извлечь и освоить исторические уроки кризисных времен «хаоса» и «смуты» остаются «непреходяще» актуальными и востребованными со стороны самых разных политических сил внутри и вне российского общества. Незавершенность и неразгаданность «русской смуты» выглядит своеобразной осью «вечного маятника» отечественной истории, в которой сменяют друг друга паллиативы непродуманных реформ и непоследовательных «контрреформ»,

---

МАРЧЕНЯ Павел Петрович – кандидат исторических наук, доцент Московского университета МВД России и Российского государственного гуманитарного университета (Москва). E-mail: marchenyap@mail.ru

РАЗИН Сергей Юрьевич – старший преподаватель Института гуманитарного образования и информационных технологий (Москва). E-mail: razin_sergei@mail.ru

Ключевые слова: Империя, народ, власть, русская смута, русская революция, массы, массовое сознание, история России, россиеведение.

авральных строек и катастрофических «перестроек», оплаченных непомерной ценой революций и их отнюдь не дешевого «изживания».

Только в течение уже ушедшего, но еще далеко «не изжитого» XX в. российское общество оказалось дважды ввергнуто в пучину общенародной смуты. И дважды Россия заплатила за это распадом исторически сложившейся имперской государственности – как романовской монархии, так и советской державы.

Современные историки призывают к читателям: «Задумались ли вы когда-нибудь, откуда он, этот исторический «маятник», два страшных взмаха которого вдребезги разнесли сначала белую державу царей, а затем и ее красную наследницу?»¹.

Даже в официальном печатном органе России вопрос уже поставлен так: «Почему российская история движется циклами – от великого расцвета к великой смуте, от государственного централизма к распаду империй? И когда рушится страна – тогда ли, когда ослабевает державная узда или когда власть глуха к новым общественным запросам?»².

Одной из недавних попыток комплексно ответить на такой вопрос стал посвященный анализу периодически повторяющихся системных кризисов России Международный круглый стол журнала «Власть», состоявшийся 23 октября 2009 г. в Институте социологии РАН. Ведущим «стола» был крупнейший «смутовед» России, автор «Красной смуты»³ В.П.Булдаков, который на протяжении многих лет подготавливал отечественную социально-научную «почву» для подобного мероприятия, подчеркивая, что кризисы являются «естественной формой пространственно-временного существования России, однако попыток их конкретно-исторического сопоставления еще не предпринималось. Между тем, сравнительное изучение периодов нестабильности российской системы с учетом особенностей массовой психологии может сказать о ее природе больше, нежели любая – как всегда претендующая на универсализм – теория»⁴.

В работе «стола», получившего знаковое наименование «Народ и Власть в российской смуте», приняли участие более 30 ученых, представляющих научные организации и вузы России и Беларуси. На наш взгляд, прозвучавшие в ходе дискуссий круглого стола

мнения современных ученых о причинах воспроизводства «смутных времен», особенностях и механизмах кризисного ритма отечественной истории и путях выхода из исторической западни системных кризисов могли бы помочь власти и обществу постсоветской России избежать уже знакомых крайностей и преемственно объединить лучшее, что было в России досоветской и советской. И остаться при этом Россией.

Разгадка «русской смуты» и ее функциональной роли в «русской истории» возможна только в конкретно-историческом и историософском синтезе, в контексте циклической динамики функционирования и воспроизводства Империи, имеющей свои запасы прочности, защитные механизмы и способы обеспечения цивилизационной идентичности и социокультурной преемственности.

Идея эта уже получила прочное обоснование в уверенно развивающейся теории российских кризисов. Так, во множестве работ того же Булдакова последовательно отстаивается важнейшая мысль о наличии глубокой связи зарождения, протекания и преодоления смут, революций и прочих «кризисов в

России»⁵ с типическими особенностями России как Империи. Согласно его методологически значимой формуле кризисов в отечественной истории*, «понимание своеобразия российской революции, особенностей ее развертывания и долговременных последствий упирается в переосмысление феномена российского имперства – уникальной сложноорганизованной этносоциальной и территориально-хозяйственной системы реликтового патерналистского («большая семья») типа. Российская имперская иерархия, в отличие от индустриальных империй недавнего прошлого и потребительских квазиимперий настоящего, закреплялась не на базе формального права, индивидуальной собственности и гражданского законопослушания, а на вере низов в «свою» власть, подобно дирижеру использующую все социальные слои в интересах всеобщей гармонии»³.

Не разделяя скепсис оценки российской имперскости как исторического «реликта», авторы солидарны с мнением, что империи не являются «*дурным прошлым*» человечества, а, напротив, являют собой не исключение, а «правило всемирной истории»⁷. Можно согласиться и с высказыванием другого классика «*Imperial Studies*» Д.Ливена: «*ИМПЕРИЯ – ЭТО СИЛЬНОЕ И ОПАСНОЕ СЛОВО*. Оно имеет богатую и неоднозначную историю. Сегодня, как и в прошлом, оно носит весьма различные полемические оттенки»⁸. Поэтому, учитывая, что все попытки «понять имперскую Россию»⁹ крайне осложняются болезненно острой неоднозначностью самого понятия империи и чрезвычайно широким диапазоном его употребления, сделаем не-

сколько уточнений, что же все-таки понимается под Империей авторами.

Как правило, говоря об империи, подразумевают один или несколько из следующих существенных признаков:

- наличие «императора», власть которого («де-юре» или «де-факто») признается сакральной;

- наличие духовных «императивов» (идеальных и реальных предписаний к «долженствованию»), идеологически и психологически объединяющих многообразии народов в единый субъект истории, имеющий (или полагающий, что имеет) цель и смысл (выполняет «миссию», несет «бремя» священного долга);

- патернализм и иерархичность служения как основа «вертикали власти» и социокультурных взаимосвязей внутри имперской «семьи народов»;

- полиэтничность (предполагающая, тем не менее, особую роль доминирующего, «имперообразующего» этноса) и обусловленная ею этнокультурная гетерогенность, «разноукладность»;

- своеобразие территориально-организационных отношений внутри империи (организация по типу «центр – периферия», «ядро – окраины», «метрополия – колонии») и связей с соседями вне ее (которые выстраиваются в первоочередной зависимости от близости либо чуждости имперским идейно-ценностным ориентирам);

- масштабность (величина, переходящая в «величие») освоенных пространств и ресурсов;

- известная историческая устойчивость (временная протяженность, значимость не только в территориальном, но и в хронологическом ракурсе);

---

* В.П.Булдаков, ссылаясь на исследование Н.В.Щербань, подмечает также, что из сходных представлений исходил и В.О.Ключевский при анализе течения Смуты XVII в.⁶.

– экспансионизм территориальной и культурной политики (ее «империалистический», колониально-гегемонический характер) и «подвиг удержания территорий»;

– значимость (или хотя бы претензии на значимость) в мировом устройстве и стремление к «всемирности», «всечеловеческому» универсализму (вплоть до осуществления «мирового господства»).

В контексте поставленной проблемы, «Империя» рассматривается как выражение опосредованной власти Императива, задающего основные параметры государственной форме осмысленного бытия человека и общества. Всякое государственное образование, которое претендует на роль Империи, исходит из того, что оно основывается на истинной Идее, способной служить антиэнтропийным центром человечества. В указанном смысле, именно Имперская идея является демиургом российской истории, а причастность к ней определяет степень утопичности или жизнеспособности различных политических сил в борьбе за власть и будущее России¹⁰.

С учетом вышеизложенного, не будем рассматривать внешнеполитические аспекты имперского бытия России и структурно-технические особенности устройства ее государственности как имперского образования. Под «Империей» будет подразумевать не специальную правовую форму государства, а специфическую, внеправовую форму системного взаимодействия власти и масс. Другими словами, не способ политической организации пространства, а способ организации особого массового сознания.

Состояние последнего – важнейший показатель общего состояния дел в империи, индикатор ее ретроспективной и перспективной оценки, определения

времени ее стабильности и процветания либо «смутного времени» (как имманентного историческим циклам империи феномена).

Именно массовым сознанием определяются основные мировоззренческие императивы самобытного пути России и ограничиваются пределы ее цивилизационных изменений и заимствований. И именно массовое сознание является доминантой смут и революций в России (что нелегко осознается современной российской исторической наукой¹¹).

Власть в Империи призвана служить, в первую очередь не инструментом согласования частных интересов, а выразителем коллективной воли и миссии народа.

Она дает и обществу, и индивиду социальный смысл жизни как Служения, позволяет преодолеть трагизм «заброшенности» одинокого человека в космос мировой истории, подняться над бессмыслицей бесконечной индивидуальной борьбы «конечного», смертного человека, ощутить причастность надындивидуальной целостности, найти надежную опору, находящуюся вне времени – тем более, вне всяких смутных времен.

Поэтому **«Имперскость» России предполагает особое единение власти и народа.** Народ выступает не только строителем Империи, но и является ее цивилизационным фундаментом, хранителем базового минимума державных ценностей. Власть не только реагирует на новые вызовы времени, но и обеспечивает историческую преемственность Империи, согласовывая ответственность инновационных действий с безусловностью непрерывности нормативно-ценностного единства со своим народом. Если действия элит явно вступают в конфликт с основопо-

лагающими ценностями народа, ставят под угрозу историческое бытие Империи – наступает Смутное время. При этом главный вопрос смутных времен – вопрос о легитимности либо «самозванности» претендующих на власть сил – решается в массовом сознании, в системе архаических координат «свой – чужой».

Имперский формат России объективно предполагает периодическое воспроизводство целого комплекса специфических качеств российской власти, которые служат для народа своеобразными индикаторами ее внеюридической легитимности, социокультурной преемственности, идентификации в массовом сознании как «своёй» – и демаркации «чужой»:

- метафункциональность Служения – субфункциональность обслуживания,
- мессианиззм – секулярность,
- идеократичность – безыдейность,
- авторитарность – компромиссность,
- централизованность – раздробленность,
- унитарность – полицентризм,
- единовластие – многовластие,
- персонифицированность – обезличенность,
- иерархичность – разветвленность,
- патернализм – партикуляризм,
- почвенность – искусственность,
- ориентация на Державность – компрадорство,
- изоморфность – аморфность,
- «твёрдость» – «слабость»... и т.п.

Мониторинг и системный анализ этих индикаторов (как статусных «маркеров» российской власти) позволяет в любое время протестировать состояние системы взаимодействия власти и общества России на предмет идеологической и психологической готовности к очередным модернизационным ме-

роприятиям и оценить вероятность исторического срыва государства и общества в очередную смуту.

Современная российская власть может и должна избежать наступления на очередные «грабли» неадекватных своему народу и своей истории действий. По взвешенной оценке Г.Ю.Семигина: «Отечественная государственность сохранила некие черты, присущие только ей, русской или российской государственности. Ни время, ни заимствования не меняли этого обстоятельства. Исторический опыт российской власти – это тот источник, из которого может и должна черпать власть настоящая»¹².

Кажущаяся неразрешимой загадка амбивалентного поведения народа в российской смуте, часто изображаемой в виде inferнальной череды бунтов (некого системного «супербунта»), может быть объяснена не эпилептоидностью и психопатологичностью «*Homo rossicus*’а», а исторической функциональностью бунта в имперской системе взаимодействия власти и общества. Народ – величина потенциально огромная – по модулю, а ее знаковый вектор – зависит от власти.

Бунт – не просто выплескивание негативной энергии, спровоцированное неадекватными действиями власти, но механизм самозащиты, отторжения власти «чужой» и возвращения власти «своей». Логика русского (действительно *беспощадного*, но отнюдь не *бессмысленного*) бунта реализуется в народном движении от власти к Власти – от ее дисфункции к ее эвфункции (в терминах социологического функционализма) или от империи к Империи (в терминах макро- и метаистории).

Состоявшимся историографическим фактом росиеведения можно считать признание как минимум трех

системных кризисов в российской истории ее «Великими Русскими смутами».

В ходе *первой смуты* – «классической», парадигмальной для России Нового времени (Смуты XVII в.) – сначала были сотрясены основания средневекового Московского царства, но затем оказались массово – «всесловно» и «всенародно» – отторгнуты и антидержавные прозападнические действия элит, вместе с самими элитами, вступившими на путь открытого сотрудничества с интервентами.

В долгосрочном итоге Россия была подтолкнута к имперскому пути.

В ходе *второй смуты* – «модернистской», детерминировавшей основные параметры для России Новейшего времени (Смуты начала XX в.) – сначала посыпалась по «эффекту домино» романовская империя, но затем были ликвидированы (вместе с их носителями) все наносные либерально-демократические декорации. Временное правительство (временщики, самоназванные «правителями») и вяло поддерживающие его «демократические» партии стали коллективным Лжедмитрием новой смуты – и в некотором смысле повторили его судьбу. Постфевральская «демократия», идеологически и психологически неадекватная массовому сознанию, была химерой и фикцией – и закономерно оказалась сметена протестной стихией масс, инструментализированной большевиками.

В конечном итоге возникла новая – еще более могущественная империя – Советский Союз.

В ходе *третьей смуты* – «постмодернистской», определяющей основные

контуры нынешней и, возможно, грядущей России (Смуты, начавшейся на исходе прошлого века) – дошла очередь и до не справившейся с вызовами современности советской империи, на руинах которой по сию пору ищет и никак не обрящет себя «Новая Россия». Об итогах этого процесса говорить преждевременно. Однако, как говаривал маркиз Галифакс, «лучший способ догадаться, что будет – припомнить, что уже было».

Итоги Смуты XVII в., как и Смуты XVII в., подтвердили неслучайность воспроизводства имперской модели единения власти и народа. Эта имперскость заключается не столько в масштабности освоенных пространств и ресурсов, гетерогенности структур и экспансивности исторических проявлений, сколько в наличии всемирно значимой **Идеи**, консолидирующей власть и массы в одухотворенное социальное целое, в единого субъекта мировой истории, имеющего цель и смысл, выполняющего определенную историческую миссию.

Смуты – это болезни империй, и, теоретически, всякая болезнь может закончиться выздоровлением, а может и смертью. Но Империи не умирают, пока в народном сознании живы соответствующие Императивы. И когда это так – стремительный распад Империи также стремительно перерастает в ее воссоздание, а на место кратковременно находившихся у власти импероразрушителей надолго приходят имперостроители. Динамика массового сознания в разворачивании русской смуты спиралевидна: бегство народа от «чужой» власти неминуемо переходит во всенародное бегство к власти «своей».

Как подметил современный политический философ К.Крылов, если:
«Израиль – это, прежде всего «наш народ»,
Америка – «наш бизнес»,
Франция – «наша культура»,
Англия – «наши обычаи».

Германия – «наши порядки»...

Россия – это «наша власть»¹³.

Пожалуй, стоит только уточнить, что важнейшим критерием успешности власти в России остается ее способность сохранять реальную связь со своим народом. А историческое будущее «нашей власти» определяется способностью поддерживать в настоящем живую связь с тем лучшим, что есть в нашем историческом прошлом.

Или хотя бы способностью не наступать на уже известные «грабли» российской истории и не доводить народ до крайности, когда он вынужденно берется «за вилы».

Один из патриархов американского россиеведения Дж.Биллингтон, когда-то призывавший к «ироническому» взгляду на историю революций в России¹⁴, спустя несколько десятилетий ее изучения говорил о ней уже без всякой иронии. Результатом серьезного переосмысления стал осторожный вывод мэтра: «...Среди возможных будущих путей самоидентификации России есть альтернативы намного лучше и намного хуже того, что можно предвидеть в настоящее время»¹⁵.

Увы, «смута» как вариант современной российской истории – это вовсе не метафора. В контексте историософских размышлений о возможных путях России одинаково банальными выглядят и утверждение о том, что история якобы «не знает сослагательного наклонения», и напоминание о том, что такое наклонение всегда существует.

Может быть, в недалеком будущем «особый путь России» станет все же более похож на уверенную державную поступь от великого прошлого через достойное настоящее к сияющему будущему, чем на судорожные метания из крайности в крайность на «кровавом сквозняке» между Европой и Азией. И может быть нарратив* исторического россиеведения в большей мере станет опираться на гордую летопись социальных побед и совместных достижений государства и общества, чем на скорбную хронику общественных трагедий и взаимных насилий власти и народа (не говоря уже о призывах некоторых «россиеведов» устроить «Русский Нюрнберг»¹⁶). И может быть, историки России не будут стыдиться повествовательного наклонения и не будут стремиться убежать от неприглядной действительности в бесконечные сослагательно-мечтательные «если бы»... Может быть... Если...

Только кроме сослагательного, у истории есть и повелительное наклонение. И российская история, со всеми своими ухабами и вершинами, имеет и свою собственную логику. И логика эта не умещается в «прокрустовы» теоретические схемы поочередной смены времен «авторитаризма – демократии», «реформ – контрреформ» и прочих историко-календарных циклов. Эта логика вовсе не циклично-сезонная.

Смена времен отечественной истории происходит не по календарю. Когда власть не желает быть «своей» для своего народа, за Февралем следует Октябрь.

---

* Нарратив – социально принятый тип «повествования», который задает параметры повседневного и научного дискурсов; он определяет правила и способы идентификации объектов, которые подлежат включению в дискурсивное пространство. Цит. по: (Словарь терминов: <http://www.chem.msu.ru/rus/teaching/sociology/s.html>).

Примечания

- ¹ Янов А. Введение к первой книге трилогии «Россия и Европа. 1462–1921» // Досье электронного Полиса: <<http://www.politstudies.ru/universum/dossier/03/yanov-4.htm>>.
- ² Выжубович В., Проханов А., Рыжков В. От анархии – к жесткой власти // РГ. 2007. 28 февраля. Федер. вып. № 4304. С. 9.
- ³ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997. С. 341, 355.
- ⁴ Булдаков В. Системные кризисы в России: сравнительное исследование массовой психологии 1904–1921 и 1985–2002 годов // Acta Slavica Japonica. 2005. Т. 22. Р. 95.
- ⁵ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007.
- ⁶ Щербань Н.В. В.О. Ключевский о Смуте // Отечественная история. 1997. № 4. С. 95–97, 101.
- ⁷ Булдаков В.П. Империя и смута: К переосмыслению истории русской революции // Россия и современный мир. 2007. № 3. С. 7.
- ⁸ Ливен Д. Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней. М., 2007. С. 635.
- ⁹ Raeff M. Understanding the imperial Russia. London, 1990.
- ¹⁰ Марченя П. Империя, партии и массы в русской смуте // Власть. 2010. № 3. С. 105–110; Разин С. Российская многопартийность и имперский миф в истории русской революции // Власть. 2009. № 2. С. 106–110.
- ¹¹ Марченя П.П. Массовое сознание и мировоззренческие императивы самобытного пути России // Философия хозяйства. 2004. № 3. С. 180–187.
- ¹² Марченя П.П. Изучение массового сознания революционной эпохи 1917 г. в отечественной исторической науке // Вестник РГГУ. Сер. «Исторические науки. История России». 2009. № 17 / 09. С. 212–227.
- ¹³ Семигин Г.Ю. Российские политико-правовые доктрины. М., 2005. С. 22.
- ¹⁴ Крылов К. О патриотизме // <<http://traditio.ru/dixi/18.htm>>.
- ¹⁵ Billington J.H. Six Views of the Russian Revolution // World Politics. 1966. Vol. 18. № 3. P. 452–473.
- ¹⁶ Биллингтон Дж. Россия в поисках себя. М., 2006. С. 10–11.
- ¹⁶ Чубайс И. По пути «Русского Нюрнберга» // Труды по русистике. М., 2009. Вып. 1. С. 412–418.

**Подписка на 2010 г.
на журнал “Обозреватель – Observer”
в каталоге «Газеты и журналы»
агентства «РОСПЕЧАТЬ»:
47653 — на 6 месяцев**